

не завершаются) романы, не запланированные в цикле «Река времен», хотя явно ему родственные: «Две избранницы», «Святогорские отшельники», «Пророк в отчизне», «Против течения», «Подруги». Создававшийся в 1880-е годы роман «Египетский голубь» по материалу, действующим лицам, авторской манере можно считать связующе-переходным текстом между «восточной» прозой и вышеназванными произведениями.

Эта позднейшая часть творчества обнаруживает нарастающее противодействие писателя тем тенденциям в литературе, которые были порождены разрушением прежних социальных и культурных иерархий, понижением эстетических требований к жизни и к искусству — с чем Леонтьев никогда не мог смириться. Противодействие шло и по идеологической, и по тематической, и по стилиевой линиям, достигая наибольшего напряжения в главном романном герое и делая его важнейшим аргументом в полемике с современностью. С тех же позиций — только более жестко — Леонтьев выступает в публицистике. Такое уmonoстроение и такая направленность творчества дают основания назвать периодом реакции заключительный период всей его деятельности.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-181-189

© А. Н. Розов

ДУХОВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА О ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЯХ

С 1860-х годов, эпохи Великих реформ, значительные изменения произошли и в церковной жизни России. В частности, ряд преобразований затронул круг городского и сельского причта, что отразилось в духовной периодике.¹ Задача данной статьи — рассмотреть образы младших членов причта в художественной литературе и духовной журналистике.

16 апреля 1869 года было высочайше утверждено положение «О составе приходов и церковных причтов»,² согласно которому ликвидировалась дьяконская должность; теперь церковный клир каждой церкви состоял из священника (настоятеля) и причетника — псаломщика, ранее называвшегося дьячком.³ Чин/должность пономаря в Положении не упоминалась. В параграфе II.4 того же документа был сформулирован круг обязанностей псаломщика: «На обязанность псаломщиков, под наблюдением настоятеля и по его распоряжению, возлагается: а) исполнение при богослужениях клиросного чтения и пения; б) сопровождение настоятеля или его помощников при посещении прихожан для исправления духовных треб и в) все письмоводство по церкви и приходу».⁴

По определению Святейшего Синода от 16 (28) февраля 1885 года все причетники получили звание «псаломщик». К 1898 году «в Российской империи насчитывалось 2026 протоиереев, 42676 священников, 14361 дьякон и 43619 псаломщиков. Таким образом, псаломщики составляли примерно 42% от общего числа белого духовенства».⁵ В 1906 году на заседании IV отдела Предсоборного присутствия был составлен ряд документов, в том числе и «Инструкция псаломщикам», состоящая из 32 параграфов.

¹ См.: Розов А. Н. 1) Заметки о церковной критике второй половины XIX — начала XX века (Образ священника в русской литературе) // Русская литература. 2001. № 4. С. 32–50; 2) Образ дьякона в русской литературе второй половины XIX — начала XX века в оценке церковной журналистики // Там же. 2023. № 2. С. 118–129.

² Полн. собр. законов Российской империи. 2-е собр. СПб., 1873. Т. 44. С. 321–325 (№ 46974).

³ В народе еще долгое время псаломщики назывались дьячками.

⁴ Там же. С. 322.

⁵ Леонов Д. Е. Псаломщик Русской Православной Церкви начала XX века: особенности правового статуса // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. История. 2015. № 1. С. 160.

В ней отмечались обязанности этого причетника по отношению к церкви, к настоятелю и к собственной частной жизни.⁶

Со второй половины XIX века церковная периодика, достигшая своего расцвета, ставит перед читателями темы, которые нашли отражение и в художественных текстах — это такие проблемы, как сопоставление старых дьячков и современных псаломщиков; взаимоотношения псаломщиков и мирян, священника и причетников.

Некоторые авторы утверждали,⁷ что если раньше чаще всего сыновья дьячков наследовали отцовскую должность, так как не могли получить достаточное образование из-за отсутствия материальных средств, то теперь дети псаломщиков стремятся поступить в семинарию или в светские учебные заведения. Поэтому в большинстве случаев псаломщиками становятся люди, отчисленные из духовных училищ и первых классов семинарии либо по причине неуспеваемости, либо за плохое поведение и не способные найти для себя лучшую должность. От них трудно было ожидать истового служения Церкви.

Один из симбирских священников⁸ сетовал на то, что в начале XX века в церкви редко можно встретить псаломщика, похожего на прежнего дьячка, которого отличала строгая религиозность, неуклонное выполнение своих обязанностей, почтительное отношение к начальнику — иерею. Нынешние же псаломщики приходят в храм одновременно с настоятелем, не просят его дать благословение на богослужение, не делают земной поклон, входя в алтарь, спешно и неразборчиво читают и поют, грубят священнику, а нередко стараются развенчать его авторитет в глазах прихожан. Автор заметки приводит слова одного молодого причетника: «Мы, молодые псаломщики, *не считаем себя духовными*, мы — люди *светские*; нам многое позволительно и простительно!»⁹ Неслучайно священникам приходится делать строгие выговоры псаломщикам, жаловаться на них епархиальному начальству.

Псаломщиками иногда становились выпускники семинарии,¹⁰ которые до свадьбы не могли быть посвящены в дьякона или в священника. Они рассматривали свою должность как временную и свои обязанности исполняли спустя рукава: «...к своему ближайшему начальнику — священнику относятся, как равные по образованию, не особенно почтительно: позволяют себе не исполнять распоряжений священника, критикуют и обсуждают их прежде исполнения; вместо того чтобы подходить под благословение, развязно протягивают руку и т. д.»¹¹

С другой стороны, нередко и сами священники, как писал корреспондент «Вятских епархиальных ведомостей», «считают своих ближайших сотрудников-псаломщиков чуть ли не лакеями и рабами и в обращении с ними пренебрегают даже самыми элементарными правилами этики, третируя и всячески унижая их даже в глазах прихожан».¹² От такого отношения к себе в подчиненных развиваются всякие пороки: наущничество, раболепство, пьянство. Конечно, псаломщик может написать жалобу епархиальному начальству, но от него потребуется столько документов, в том числе о благоповедении жалобщика от оскорбившего его священника, что ему лучше научиться безропотно переносить все невзгоды.¹³

В. Кедров считал, что в современном обществе псаломщик не пользуется уважением. Когда причт в Рождество Христово и на Пасху приходит в богатые городские

⁶ Суждения IV отдела Предсоборного присутствия о благоустройении прихода // Вятские епархиальные ведомости. 1906. 6 июля. № 27. Отд. неофиц. С. 1000 (разд. «Разные известия»).

⁷ См., например: Кедров В. Настоятельная нужда в хороших псаломщиках // Руководство для сельских пастырей. 1905. Т. 1. № 3. С. 67–77.

⁸ Священник. Несколько слов о современных псаломщиках // Симбирские епархиальные ведомости. 1911. 1 июня. № 11. Отд. неофиц. С. 391–392.

⁹ Там же. С. 392.

¹⁰ Петряков В., свящ. О псаломщиках из окончивших курс в духовных семинариях // Руководство для сельских пастырей. 1905. Т. 2. № 21. С. 109–115.

¹¹ Там же. С. 110.

¹² Один из многих. К ненормальности взаимных отношений между членами причтов // Вятские епархиальные ведомости. 1909. 12 марта. № 10. Отд. неофиц. С. 244.

¹³ Там же. С. 244–249.

дома, то священника и дьякона хозяева приглашают на трапезу в гостиную, а псаломщика сажают вместе с прислугой за стол на кухне. Крестьяне к нему обычно относятся запанибратски, а сельские богатеи смотрят на него свысока. Постепенно псаломщик смиряется со своим положением, теряет самоуважение, начинает формально исполнять свои главные обязанности — пение и чтение в храме. Однако если бы псаломщик понял, насколько важно его церковное служение: именно он, читая прихожанам богослужебные книги, исполняя церковные песнопения, учит малограмотное сельское население молитвам, знакомит с Символом веры, с библейской историей, объясняет смысл церковных праздников, рассказывает о подвигах святых и т. д. — то стал бы относиться иначе к себе и к своим обязанностям.¹⁴ Заменой нерадивых псаломщиков, по мнению Кедрова, могли бы быть выпускники второклассных сельских церковно-приходских школ, которые получали право стать учителями школ грамоты.

Неудовлетворительное клиросное чтение и пение способствовало оттоку прихожан из Церкви: «Приходите вы в храм, вслушиваетесь в то, что читается и поется — и ровным счетом ничего не понимаете. Носятся какие-то обрывки фраз, выкликаются отдельные слова, порою слышится одно гудение. Вместо пения какое-то козлогласование. <...> Глаза слипаются, чувствуется какой-то сонный туман. Религиозное чувство не только не возбуждается, но, напротив, подавляется. <...>. И становится ясным и понятным, почему народ иногда толпами устремляется в сектантство, забывая мать свою — Церковь и веру отцов своих».¹⁵

Ряд авторов обращали внимание и на различия одежды старых дьячков и новых псаломщиков. Если первые всегда при богослужении одевали стихарь, то вторые перешли на пиджак или тужурку, тем самым уничтожив все признаки принадлежности к церковнослужителям. Священник Ставропольской епархии А. Береза считал, что «надев стихарь, всякий псаломщик более проникался бы святости своего служения и тщательнее выполнял его, помня свое ангелоподобное одеяние и высокое служение».¹⁶ По мнению других корреспондентов церковной периодики, торопливость псаломщика при пении и чтении зависит от настоятеля храма, который старается закончить службу как можно быстрее: «Там, где сам иерей совершает богослужение не спеша и с должным благоговением, и псаломщик к своим обязанностям всегда будет относиться более серьезно и внимательно».¹⁷

Вопреки столь негативной оценке, в других заметках встречались и положительные отзывы о церковнослужителях. Так в «Курских епархиальных ведомостях» был напечатан некролог 26-летнего псаломщика Курской епархии М. М. Булгакова. После окончания Курской духовной семинарии он не только служил в церкви, но и преподавал пение и был законоучителем в ряде церковно-приходских школ, являлся членом Комитета по религиозно-нравственным чтениям в Курске. «Прошло то время, — писал автор некролога, — когда псаломщику предъявлялось слишком мало требований. Достаточно было для него в прежнее время уметь читать, сносно петь, и он, псаломщик, если не прекрасный, то хороший. Требования настоящего времени превосходят прежние. На духовных возложено трудное, ответственное и многополезное дело обучения народа. Псаломщики должны разделять с своими священниками этот труд».¹⁸

Ряд статей был посвящен образу старых дьячков,¹⁹ которые абсолютно не похожи на псаломщиков конца XIX — начала XX века, отличаясь от них даже своим внешним

¹⁴ Кедров В. Настоятельная нужда в хороших псаломщиках. С. 67–68.

¹⁵ О. Е. В. Церковное чтение и пение как средство борьбы с сектантством // Оренбургские епархиальные ведомости. 1916. 16–31 марта. № 11–12. Часть неофиц. С. 124.

¹⁶ Береза А., свящ. Старое и новое // Ставропольские епархиальные ведомости. 1910. 6 нояб. № 45. Отд. неофиц. С. 1498.

¹⁷ Знакомый. Два слова по поводу статьи «О псаломщиках», помещенной в № 6 «Епархиальных ведомостей» за 1910 год // Вятские епархиальные ведомости. 1910. 20 мая. № 20. Отд. неофиц. С. 593.

¹⁸ Дагаев М. Некролог // Курские епархиальные ведомости. 1897. 26 апреля — 3 мая. № 18. Часть неофиц. С. 342.

¹⁹ См., например: Особенному вниманию псаломщиков приходских церквей // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. 16 июля. № 14. Отд. неофиц. С. 619–633.

видом: длинные волосы, обычно заплетенные в косичку, подрясник. Именно такой дьячок со своеобразными манерами, своеобразным дьячковским языком становится в русской литературе отрицательным, карикатурным типом.²⁰

Вместе с тем существует несколько беллетризованных публикаций, авторы которых рассматривают тип старого дьячка с положительной стороны. Священник И. Бибииков²¹ в своем очерке рассказал о том, как проводил праздничный день во второй половине XIX века типичный набожный сельский дьячок, которого крестьяне называли Ликсевичем. Обязанностей тогда у дьячка было гораздо больше, чем у теперешнего псаломщика. Ликсевич вставал первым в селе, усердно молился и готовился к церковной службе. Сначала заходил к священнику за ключами от храма, открыв в нем двери, поднимался на колокольню и начинал бить в колокол, призывая прихожан к утрени. В храме получал благословение от настоятеля к богослужению. В церкви он читал и пел, вкладывая в это занятие всю свою душу. Кроме того, он руководил церковным хором. После службы, получив нравственное удовлетворение, он шел домой, где читал разную духовную литературу. Ликсевич также обучал крестьянских детей грамоте по азбуке, священной истории, псалтыри и часослову, развивая в учениках набожность и страх Божий. В приходе Ликсевич служил с 17 лет, став для прихожан своим человеком, вел одинаковую с мирянами бедную жизнь, имел убогую хату и добывал средства на жизнь хлебопашеством. Дьячок настолько привязался к месту служения, что наотрез отказался переехать в богатое село.

В другом очерке священник Н. Абрамов²² вспоминает свое детство и старого дьячка Алексея Васильевича, которого крестьяне называли Васильевичем. Для своего времени он был образованным человеком: кончил духовное училище, немного пробыл в семинарии, но вынужден был уйти из нее из-за смерти родителей и бедственного состояния оставшихся членов семьи. Чтобы занять должность отца, Васильевичу пришлось выдержать непростой экзамен у архиерея, который поручил ему создать церковный хор. Подобно другим старым дьячкам, Васильевич был богобоязненным, глубоко верующим человеком, хорошо знающим и соблюдающим церковный устав, прекрасным чтецом и певцом. Когда он пел, то «буквально преображался: его лицо принимало вдохновенное выражение, глаза часто были полны слез. Читал Васильевич также образцово: громко, отчетливо и с выражением».²³ Кроме активного участия в богослужении, Васильевич заведовал церковной утварью, помогал священнику при облачении, следил за колокольным звоном и т. д.

Приведенные выше очерки корреспондентов церковной периодики повлияли на художественные произведения, в которых нашли отражение как положительные, так и отрицательные типы причетников. Первым, кто обратил внимание на образ дьячков (псаломщиков), был профессор Казанской духовной академии А. В. Попов,²⁴ утверждавший, что «хотя типы дьякона и причетника в русской беллетристике последнего 12-летия фигурируют нередко, но они не отличаются такою отделанностью, рельефностью и разнообразием, как типы священника».²⁵ По мнению другого критика,²⁶ дьячки представлены в литературе более разнообразно, чем дьяконы, и в доказательство он перечислил типы дьячков: хорошие, заботливые и работающие люди (Михаил в «Из кулька в рогожку», Аполлинарий Поликарпыч в повести Р. Р. Радонежской «О. Иван и о. Степан»);

²⁰ Береза А., *свясц.* Старое и новое. С. 1495.

²¹ Бибииков И., *свясц.* Тип дьячка 30 или 35 лет назад // Ставропольские епархиальные ведомости. 1906. 16 июня. № 12. Отд. неофиц. С. 657–668.

²² Абрамов Н. Старый дьячок и современный псаломщик // Волынские епархиальные ведомости. 1905. 21 марта. № 9. Часть неофиц. С. 306–313.

²³ Там же. С. 307.

²⁴ Попов А. Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие // Православный собеседник. 1884. Ч. 2. Май. С. 44–88; Июнь. С. 202–238; Июль. С. 278–331 (отд. изд.: Казань, 1884).

²⁵ Попов А. Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие // Православный собеседник. 1884. Ч. 2. Июль. С. 293.

²⁶ Отношение беллетристики к духовенству // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1885. Июль–август. Разд. «Внутреннее обозрение». С. 126–154.

честолюбцы («Завидный жених» А-ва; критик подробно изложил сюжет этой повести, считая ее далекой от жизни); пьющие дьячки (Ефрем в рассказе И. С. Тургенева «Постоялый двор»; Мартын в романе Н. С. Преображенского «Из кулья в рогожку»; Птицын в романе М. Н. Альбова «Ряса»; Паныша в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Авва»). Л. А. Соколов, анализируя образ дьякона Антония Бурырко в рассказе И. Н. Потапенко «Шестеро» (1891), пришел к выводу, что «низшие члены клира — дьяконы и дьячки — готовы кланяться всякому, способны на всякое унижение».²⁷ Таким образом, критик выделил в беллетристике еще один тип: униженного дьячка.

Н. А. Колосов, библиотекарь Московской духовной академии, литературовед, библиограф, протоиерей, с 1898 по 1915 год публиковал в разных церковных журналах как рецензии на произведения отдельных писателей, так и ежегодные обзоры сочинений, в которых были выведены представители белого и черного духовенства от архиереев до псаломщиков. В этих обзорах Колосов, как и другие церковные критики, обычно не рассматривал художественные достоинства или недостатки того или иного текста, а лишь более или менее подробно пересказывал его сюжет и делал вывод, насколько он правдоподобен. В обзоре за 1896–1898 годы²⁸ Колосов утверждает, что причетники чаще являются положительными типами. Анализируя рассказ И. Н. Потапенко «Забытый пономарь» (1896), критик отмечает, что должность пономаря был отменена в 1870-х годах, когда происходило сокращение штатов духовенства. В селе живет с маленькой дочкой старый пономарь Леонид, уволенный за штат без содержания. Священник Анастасий помогает ему деньгами, разрешает пить и читать на клиросе, предоставляет квартиру в церковном доме. Анастасия поражает паралич, и на его место поступает молодой иерей Сергей, который прогоняет Леонида из дома, запрещает служить на клиросе. Спасает пономаря о. Анастасий, который берет его в свой дом и поручает следить за хозяйством. Колосов упрекает Потапенку за неправдоподобие сюжета: никогда выведенные за штат служители церкви не могли остаться без жилья и без средств к существованию.

Тем не менее Колосов подробно останавливается на образе пономаря Леонида, называя его младенцем Христовым, который по своей доброте не может поверить в чужую злобу. Дьякон Антоний очень ценит своего друга: «Леонида ежели бы в аду поджаривали, а он все бы говорил: хорошо да хорошо. Да он и в ад не попадет, его туда не примут. Никакого для него и горя нет на свете: погрузил минутку, а там и отошел, утешился».²⁹ Для Антония Леонид — ангел, которому кажется, что все вокруг ангелы. Узнав, что новый священник собирается лишить его жилья, доходов со службы на клиросе, он уверен, что стоит только поговорить с о. Сергием, и тот откажется от своих планов. Когда же иерей осуществляет свои намерения, то Леонида тревожит не собственное будущее, а судьба малолетней дочери. Получив же приют от доброго о. Анастасия, тут же забывает все неприятности. «А всё-таки, отец дьякон, — говорит ему главный герой, — пропасть человеку нельзя. Доброта где-нибудь да откроется... Есть-таки добрые люди на свете... Так-то, отец дьякон! И никогда человеку среди людей пропасть нельзя».³⁰ Даже пересказа содержания достаточно, чтобы ощутить глубину образа старого пономаря — олицетворения доброты и оптимизма. Именно поэтому рецензент симпатизирует герою.

В рассказе А. А. Измайлова «Праздничный гость» (1901) старый дьячок Савватий, живущий на покое, своей кротостью в чем-то похож на пономаря Леонида. Колосов подробно изложил сюжет произведения, которое явно ему понравилось.³¹ «Савватий

²⁷ Соколов Л. Типы наших духовных пастырей в произведениях светских писателей (По поводу сочинений г. Потапенко) // Странник. 1892. Декабрь. С. 731.

²⁸ Колосов Н. А., *свящ.* Русское православное духовенство в нашей светской литературе 96 и 97 гг. // Душеполезное чтение. 1898. Июнь. С. 287–289.

²⁹ Цит. по: Колосов Н. А., *свящ.* Русское православное духовенство в нашей светской литературе 96 и 97 гг. // Душеполезное чтение. 1898. Август. С. 709.

³⁰ Там же. С. 710.

³¹ Колосов Н. А., *свящ.* Типы православного духовенства в русской светской литературе 1901–1902 гг. М., 1903. С. 38–40.

был в душе поэт, а по складу ума философ. В его нравственном облике было что-то поэтически легендарное, а его жизнь отличалась чисто апостольской простотой». ³² Он живет воспоминаниями, читает священные книги и спокойно ожидает смерти.

С Савватием происходит страшная беда: один из странников, которого дьячок постоянно принимал в своей избе, украл все деньги, накопленные стариком на свои похороны. Он вне себя от горя, не представляет, как будет жить милостыней. Убитый горем, Савватий с утра идет в храм на пасхальную утреню, и радостная церковная служба захватывает его, приносит успокоение в страдающую душу. Он убежден, что добрые люди спасут его от голода и достойно похоронят его. Критик подчеркивает в герое рассказа глубокую веру в церковь и в людскую добродетель.

Колосов резко отрицательно относился к произведениям С. Елеонского (С. Н. Миловского), считая, что все его творчество «пропитано ненавистью к духовенству». ³³ Однако он проявил интерес к образу пономаря ³⁴ в рассказе «Пафнutyч» (1897). В селе, где служит главный герой, умирает любимый им и прихожанами священник о. Тимофей, оставив после себя жену и взрослую дочь. После женитьбы на дочери покойного в село приезжает о. Григорий, который убежден, что его тесть испортил приход, и поэтому начинает все кардинально менять, не считаясь с прихожанами и причетниками. Пафнutyч встает на защиту несправедливо уволенной просвирни. В результате борьбы с о. Григорием он лишается места службы и жилья. Все свои сбережения он потратил на мраморный памятник на могиле любимого им о. Тимофея и с котомкой пошел странствовать. В этом художественном произведении создан образ пономаря — несломленного борца за справедливость, который стал новым типом служителя церкви в литературе конца XIX — начала XX века. По мнению Колосова, похож на Пафнutyча дьячок Коронат в рассказе И. А. Салова «Сушкин и Будылкин» (1897). Он также борец, прямой, честный человек, воюющий с местным кулаком Сушкиным. В рассказе А. М. Померанцевой «Дьячок» (1901) критик отмечает, что главный герой — очень добрый человек, готовый отдать бедным все, что у него есть. Он никого не боится, заступается за обиженных, бросается в горящий дом, чтобы спасти ребенка. ³⁵

Надо подчеркнуть, что в отличие от Соколова, ³⁶ утверждавшего, что низшие члены клира готовы только терпеть всякое унижение, Колосов уделял много внимания художественным образам причетников, проявлявшим лучшие человеческие качества. С симпатией относится Колосов ³⁷ к типу старого сельского дьячка Ермолаича из рассказа В. Бойкова «Награда» (1911), одинокого, скромного труженика, 50 лет прослужившего в храме. Ермолаич давно мечтал о награде за свою долгую и безупречную службу. Он получил эту награду (стихарь) слишком поздно, когда она ему уже не нужна, и даже испытывал унижение при возложении стихаря в губернском кафедральном соборе, что привело к его преждевременной кончине. Критик подробно излагает сюжет рассказа, но, как обычно, не останавливается на его художественных особенностях, в частности на тонком психологизме, который позволяет глубже воспринимать созданный писателем образ.

Священник В. Г. Курдиновский ³⁸ анализирует рассказ И. Н. Потапенко «Справедливость» (1907). Новый архиерей принял за пьяницу молодого сельского священника,

³² Там же. С. 38.

³³ Колосов Н. А., *свящ.* О новых рассказах из быта духовенства // Душеполезное чтение. 1904. Сентябрь. С. 139.

³⁴ Колосов Н. А., *свящ.* Русское православное духовенство в нашей светской литературе 96 и 97 гг. // Душеполезное чтение. 1898. Август. С. 710–711.

³⁵ Колосов Н. А., *свящ.* Типы православного духовенства в русской светской литературе 1901–1902 гг. С. 40.

³⁶ Соколов Л. Типы наших духовных пастырей в произведениях светских писателей. С. 731.

³⁷ Колосов Н. А., *свящ.* Типы православного духовенства в русской светской литературе 1911 г. // Душеполезное чтение. 1911. Июль–август. С. 338–339.

³⁸ Курдиновский В. Г., *свящ.* Отрицательные типы современного русского духовенства по произведениям новейшей русской беллетристики // Кишиневские епархиальные ведомости. 1908. 27 апр. № 17. Отд. неофиц. С. 639.

потерявшего смысл жизни, и собирался отрешить его от должности. Вступаются за о. Василия не благочинный, не другие лица, хорошо знающие его, а дьячок Климентий, который поехал в монастырь, где остановился на ночлег архиереем. Дьячок и убедил главу епархии, что его обвинение несправедливо. Пересказанный критиком сюжет раскрывает основные качества героя-дьячка — его решительность и смелость отстаивать свое мнение.

Новые, надуманные типы духовенства появляются после революции 1905–1907 годов, когда была учреждена Государственная дума. Довольно оригинальны, по мнению Колосова,³⁹ персонажи в рассказе В. И. Дмитриевой «Непримиримые» (1908). Эти старики — сельские служители церкви псаломщик Серафимыч и священник о. Иван — непримиримые политические оппоненты, ожесточенно спорящие по поводу третьей Думы. Священник — кадет, псаломщик — «ярый и буйный революционер и даже агитатор».⁴⁰ Отец Иван сидит дома и читает газету, к нему приходит псаломщик, который просит у священника газету и, прочитав информацию о Думе, впадает в ярость. Между стариками завязывается жаркий спор, в котором о. Иван объявляет Серафимыча террористом и выгоняет его из дома. Такие споры часто происходят между ними. С точки зрения Колосова, в этом оригинальном сюжете невозможно представить «мирного и престарелого сельского священника, притом человека кроткого, ужасающегося всякого насилия, — в роли кадета, и, пожалуй, еще более трудно представить такого развитого политика и яростного революционера в лице еще более престарелого сельского дьячка...».⁴¹ Автор рецензии справедливо считает этих персонажей неправдоподобными.

Героями произведений С. И. Гусева-Оренбургского обычно были священники или дьяконы, гораздо реже псаломщики. В рассказе «Находка» (1915) сын дьячка Ивана Михайловича, выпускник духовной семинарии, собирается поступить в университет. Отец согласен с намерением сына, но весь его скудный заработок уходит на заботы о большой семье. Кроме того, у дьячка долги, не позволяющие оплатить будущую учебу сына. Однажды Иван Михайлович находит на базаре бумажник с 12 000 рублей. Эта находка погрузила его в мучительное раздумье: потратить деньги на свою семью или найти того, кто их потерял. В конце концов он решает вернуть бумажник владельцу. Высоко оценивая рассказ Гусева-Оренбургского, священник А. Кулясов⁴² называет его злободневным и сравнивает с рассказом Л. Н. Толстого «Отец Василий» (1906). Гусев-Оренбургский не рассказывает, как сложилась судьба Ивана Михайловича после возвращения находки. Возможно, его «сын мог, подобно о. Василию из очерка Л. Н. Толстого того же названия, пойти во священники для поддержки семьи отца».⁴³

Церковные критики, как мы уже отмечали,⁴⁴ неоднозначно оценивали произведения А. П. Чехова. Так, ректор Тульской духовной семинарии архимандрит Георгий (Ярошевский) писал: «...отрицательным образом изображены в произведениях Чехова и дьячки. Это люди обыкновенно или с какими-нибудь странностями, или глубоко неразвитые, или даже зараженные грубыми суевериями».⁴⁵ Примеры: дьячок Федюков («Тайна», 1887); дьячки в рассказах «Канитель» (1885) и «Ведьма» (1886); дьячок Алексей Алексеевич («Певчие», 1884).

³⁹ Колосов Н. А., *свящ.* Некоторые типы православного духовенства в современной русской литературе // Душеполезное чтение. 1908. Ноябрь. С. 431–436.

⁴⁰ Там же. С. 432.

⁴¹ Там же. С. 437.

⁴² Кулясов А., *свящ.* Художественная литература и духовенство // Уфимские епархиальные ведомости. 1916. 15 мая. № 10. Отд. неофиц. С. 338–339.

⁴³ Там же. С. 340.

⁴⁴ См.: Розов А. Н. Образ дьякона в русской литературе второй половины XIX — начала XX века в оценке церковной журналистики. С. 118–129.

⁴⁵ Георгий (Ярошевский Г. Г.). Наше духовенство в произведениях А. П. Чехова (Литературно-философский очерк) // Вера и разум. 1904. № 19. Кн. 1. Разд. философский. С. 221, 222.

Для священника Н. Стойкова⁴⁶ Чехов — это писатель с правдивым пером. В повести «В овраге» (1899) старенький сельский дьячок, приглашенный на поминки в богатый дом, набрасывается на банку зернистой икры, которую раньше никогда не видел. Он с жадностью съедает всю банку, не обращая внимание на то, что его все время толкали и дергали за рукав. Прошло уже много лет после смерти дьячка, его имя уже забыто, а об икре, им съеденной, помнили все. Смысл рассказа весьма глубок: церковнослужитель не должен забывать о своем сане и вести себя пристойно в любой обстановке. В рассказе «Певчие» псаломщик Алексей Алексеич, высокий, статный человек с солидной походкой, более похожий на представителя высших слоев общества, чем на дьячка, ведет себя перед архиереем и благочинным как ничтожество и раб. И этот тип причетника, по мнению Н. Стойкова, также правдоподобен.

Автор монографии о Чехове, священник М. М. Степанов⁴⁷ подсчитал, что в произведениях писателя фигурирует восемь дьячков, все они представляют собой не современных псаломщиков, а старый тип церковнослужителей — пономарей. «Дьячки А. П. Чехова, — утверждал Степанов, — безобидные статисты, только пополняющие комический элемент сцены и не останавливающие глубокого раздумья на своих личностях и характерах. Это — смешные господа, со смешными фамилиями — Федюков, Отлукавин, Вонмигласов, — в то же время, скромные, задавленные жизнью, бесхитростные и недалекие».⁴⁸ Они те же «маленькие люди» со своими волнениями и страданиями, которые так характерны для творчества писателя.

Не только Чехов создавал карикатурных персонажей, но и другие писатели: к ним можно отнести образ дьячка Алексея с его неудержимым аппетитом (И. А. Бунин «Тарантелла», 1894; впоследствии издавался под названием «Учитель»), псаломщика Виталия Платоновича, похожего на столичного франта, а не на церковнослужителя губернского города (М. Басанин (псевд. Л. А. Лашеевой) «Новоселковское кладбище», 1901), причетников в рассказе Потапенко «Новый» (1898).

Законоучитель ряда киевских учебных заведений Е. З. Капралов подробно проанализировал⁴⁹ рассказ Гусева-Оренбургского «Конокрад» (1901). У сельского псаломщика украли лошадь, он в отчаянии: «Волнение и горе его, — пишет критик, — почему-то исторгают из уст его высокие речения, возбуждающие в читателе не сочувствие к его несчастью, а смех». Псаломщик прибегает в дом священника и рассказывает о своем несчастье, продолжая, как утверждал критик, по воле писателя играть «роль неестественно глуповатого простеца из плохой комедии».⁵⁰ Псаломщик дает обет, что в случае возвращения лошади поставит в церкви золоченую свечку Николаю Угоднику за 30 копеек. В конце концов лошадь найдена, и псаломщик собирается схитрить. «Примечаете соль и яд автора, — замечает Капралов. — Вот каково, мол, дьяк русский! Миновала беда, и Бога обмануть можно, — двадцать копеек сэкономил... обещал-то ведь свечку золоченую в тридцать копеек!»⁵¹ Тем не менее Капралов считает, что сюжет рассказа правдоподобен, хотя писатель затронул актуальную тему разобщения сельского духовенства и прихожан (на примере общения священника и местного конокрада), но превратил эту злободневную тему в «сомнительную побрякушку дешевого остроумия».⁵²

В отечественной беллетристике иногда встречались и резко отрицательные типы причетников. Таким, по мнению Колосова,⁵³ является в рассказе А. А. Измайлова

⁴⁶ Стойков Н., *свящ.* Духовенство в изображении А. П. Чехова // Странник. 1905. Июль. С. 37–50.

⁴⁷ Степанов М. М., *свящ.* Религия русских писателей. Саратов, 1913. Вып. 1. Религия А. П. Чехова.

⁴⁸ Там же. С. 46.

⁴⁹ Капралов Е., *свящ.* Духовенство в современной беллетристике // Руководство для сельских пастырей. 1906. Т. 1. № 3. С. 76–79.

⁵⁰ Там же. С. 76.

⁵¹ Там же. С. 79.

⁵² Там же. С. 78.

⁵³ Колосов Н. А., *свящ.* Типы православного духовенства в русской светской литературе 1901–1902 гг. С. 26.

«Гениальная идея (Из бытовых апокрифов)» (1901) псаломщик Федот Крючков — пьяница и дерзкий человек, отвратительно относящийся к своим служебным обязанностям. Выходки Федота наконец выводят из себя кроткого настоятеля о. Стахия, и он едет к благочинному с жалобой на Федота. Тот сам на этот раз чувствует, что дело плохо, и по совету приятелей решается на хитрость. На следующий день он приходит к о. Стахию, изображает полное смирение и раскаяние, говорит, что хочет перейти в другой приход, умоляет дать «одобрительное свидетельство», без которого настоятель того прихода не соглашается просить за него. О. Стахий составляет такую бумагу, в которой высоко оценивает как личные, так и служебные качества Федота. Когда благочинный вызывает к себе псаломщика, начинает его распекал, тот достает и читает хвалебный отзыв о нем о. Стахия. Федот ненаказанным возвращается домой, чувствует себя победителем и говорит священнику, что ему здесь очень хорошо и никуда уходить он не собирается. В рассказе изображен тип причетника — человека без совести: именно на это обоснованно указывает критик.

Резко осудил Колосов⁵⁴ рассказ С. С. Кондурушкина «С начала» (1907), который представляет собой один из примеров глумления над духовенством, что было характерно для отечественной литературы начиная с первой русской революции. Один из героев, дьячок, по словам критика, «не то атеист, не то пропившийся циник».⁵⁵ В разговоре с учителем, только приехавшим в бедное и грязное село, дьячок жалуется на свою «собачью» жизнь, ругает настоятеля, сыщика и доносчика. Но на вопрос собеседника, почему он не ищет более доходного прихода, отвечает, что лучше, чем здесь, места не найти, так как члены причта кормят бесплатно. Созданный в рассказе тип аморального церковнослужителя может показаться нереальным, хотя, как уже было отмечено, многие авторы из церковной периодики указывали на глубокий кризис Русской православной церкви. И в данном художественном произведении нашло отражение мнение общества о том, что в роли причетников нередко служили недостойные люди.

В заключение следует сказать, что нами рассмотрены материалы духовной критики и привлечение внимание рецензентов художественные произведения, в которых отражены различные типы дьячков/псаломщиков. Эти церковнослужители представлены в литературе более разнообразно, чем образы священнослужителей. Если церковные критики укоряли писателей, изображавших священников и дьяконов, в том, что они плохо знают специфику жизни и службы этих членов причта, поэтому их образы не всегда правдоподобны, то таких упреков в отношении образов низших членов причта практически нет.

Необходимо отметить, что многие писатели рисовали старых дьячков, которые к концу XIX — началу XX века уже исчезли. Возможно, это связано с тем, что для русской литературы всегда был важен образ «маленького человека» с его бедами и переживаниями, какими были старые дьячки, поэтому не случайно, что количество отрицательных типов причетников, по сравнению со священниками и дьяконами, гораздо меньше. Авторы духовной критики не ставили перед собой задачу разъяснить для читателей достоинства или недостатки творчества разных писателей. Как правило, они подробно излагали сюжет романа, повести, рассказа, очерка, а далее делали вывод, насколько этот сюжет соответствует действительности.

В целом можно констатировать, что все названные публикации об образах священнослужителей (священников и дьяконов) и церковнослужителей (дьячков/псаломщиков), отраженных в литературе, рассматривались в духовной периодике с христианской точки зрения — с духовно-нравственной стороны. Кроме того, эти критические статьи должны были привлечь внимание священников к светской литературе, затронув актуальные для них проблемы.

⁵⁴ Колосов Н. А., *свящ.* Поход против духовенства в современной русской беллетристике // Московские церковные ведомости. 1907. 23 сент. № 38. С. 1188–1190.

⁵⁵ Там же. С. 1188.

2. *Gertsen A. I.* Sobr. soch.: V 30 t. M., 1959. T. 16.
3. *Ivanov Viach. Vs.* Izbr. trudy po semiotike i istorii kul'tury: V 3 t. M., 2000. T. 2. Stat'i o russkoi literature.
4. *Karleil' T.* Teper' i prezhd. M., 1994.
5. *Kirkegor S.* Naslazhdenie i dolg. Kiev, 1994.
6. *Kotel'nikov V. A.* Siuzhet s kniazhnoi Meri i traditsiia literaturnogo libertinizma // Russkaia literatura. 2014. № 3.
7. *Leont'ev K. N.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. / Gl. red. V. A. Kotel'nikov; podg. teksta, komm. V. A. Kotel'nikova, O. L. Fetisenko. SPb., 2000–2022. T. 1–5; T. 6. Kn. 1, 2; T. 8. Kn. 1; T. 9; T. 11. Kn. 1, 2; T. 12. Kn. 2.
8. *Manfredi P.* Cultura, estetica e religiosità in Konstantin Leont'ev // Konstantin Leont'ev. I nostril nuovi Cristiani. Discorsi contro Dostoevskij e Tolstoj / A cura di A. Ferrari. Milano, 2003.
9. *Proust M.* A la recherche du temps perdu: Du côté de chez Swann: Combray. Paris, 1954. T. I.
10. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937. T. 6.
11. *Saltykov-Shchedrin M. E.* Sobr. soch.: V 20 t. M., 1966. T. 5.
12. *Turgenev I. S.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. M., 1987. T. 2, 4.
13. *Zhukov K. A.* Vostochnyi vopros v istoriosofskoi kontseptsii K. N. Leont'eva. SPb., 2006.

Александр Николаевич Розов

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Nikolaevich Rozov

Leading Researcher, Institute of Russian literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1696-3111

rosov@list.ru

ДУХОВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА О ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЯХ

RELIGIOUS JOURNALISM AND RUSSIAN LITERATURE ON CLERGY, 19TH — EARLY 20TH CENTURY

В статье рассмотрены произведения писателей второй половины XIX — начала XX века, в которых присутствуют разные типы младших членов причта, а также проанализирована оценка этих текстов в церковной критике. Образы дьячков, представленные в литературе, более разнообразны, чем образы священников и дьяконов. Особое место в этом ряду занимает исчезнувший к концу XIX столетия тип старого дьячка, близкий образу «маленького человека».

Ключевые слова: русская литература, причт, дьячки, духовная периодика, церковная критика.

The article examines the fictional works of the second half of the 19th and early 20th century that deal with the minor members of the clergy and analyzes the assessment of these texts in the church criticism. The fictional images of *dyachoks* (vergers) seem more diverse than those of the priests and the deacons. The image of an old verger, bearing strong similarity to that of the «little man» and disappearing by the end of the 19th century, holds a special place in these narratives.

Key words: Russian literature, clergy, *dyachok*, religious press, church criticism.

Список литературы

1. *Леонов Д. Е.* Псаломщик Русской Православной Церкви начала XX века: особенности правового статуса // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. История. 2015. № 1.
2. *Розов А. Н.* Заметки о церковной критике второй половины XIX — начала XX века (Образ священника в русской литературе) // Русская литература. 2001. № 4.
3. *Розов А. Н.* Образ дьякона в русской литературе второй половины XIX — начала XX века в оценке церковной журналистики // Русская литература. 2023. № 2.

References

1. Leonov D. E. Psalomshchik Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi nachala XX veka: osobennosti pravovogo statusa // Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Ser. Istoriia. 2015. № 1.
2. Rozov A. N. Zametki o tserkovnoi kritike vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka (Obraz sviashchennika v russkoi literature) // Russkaia literatura. 2001. № 4.
3. Rozov A. N. Obraz d'iakona v russkoi literature vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka v otsenke tserkovnoi zhurnalistiki // Russkaia literatura. 2023. № 2.

Андрей Дмитриевич Степанов

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Andrei Dmitrievich Stepanov

Professor, St Petersburg State University

ORCID: 0000-0003-0798-4914

a.d.stepanov@spbu.ru

**ЛИТЕРАТУРА И ЖИВОПИСЬ ЭПОХИ ПРЕДСИМВОЛИЗМА:
ПРОБЛЕМА КОЭВОЛЮЦИИ**

**LITERATURE AND PAINTING IN THE AGE OF PRE-SYMBOLISM:
THE PROBLEM OF CO-EVOLUTION**

В статье показано, что корреляция движения от реализма к модернизму в литературе и искусстве конца XIX века может быть осмыслена в литературных терминах как смещение ценностного центра художественной системы от реалистического повествования к лирике, от социальной детерминации — к развитию индивидуальной чувствительности, от критериев полноты, завершенности и избыточности — к неотобранности и незавершенности как приметам живой жизни.

Ключевые слова: литература и живопись последней трети XIX века, предсимволизм, переходные процессы, коэволюция.

The article shows that the correlations of the progress from Realism to Modernism in literature and art of the late 19th century should be considered, in literary terms, as a shift of the value center of the artistic system from the Realistic narrative to lyrics, from social determination to the emergence of individual sensitivity, from the criteria of wholeness, completeness and non-redundancy to randomness and incompleteness as the signs of «animated life».

Key words: literature and painting of the last third of the 19th century, Pre-Symbolism, processes of transition, co-evolution.

Список литературы

1. Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1995.
2. Герман М. Ю. Импрессионизм: Основоположники и последователи. СПб., 2019.
3. Злыднева Н. В. Визуальный нарратив: к проблеме темпоральности как имплицитной вербальности (случай позднего авангарда) // Язык как медиатор между знанием и искусством. М., 2009.
4. Кузнецова Г. Грасский дневник // Знамя. 1990. № 4.
5. Лессинг Г. Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / <Пер. Е. Н. Эдельсон>. М., 1957.
6. Лясковская О. А. Илья Ефимович Репин. Жизнь и творчество. М., 1982.
7. Переписка И. Н. Крамского: В 2 т. М., 1954. Т. 2. Переписка с художниками / Подг. к печати и прим. Е. Г. Левенфиш и др.
8. Предсимволизм — лики и отражения / Под ред. Е. А. Тахо-Годи. М., 2020.
9. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
10. Рильке Р. М. Ворпсведе / Ред. И. Д. Рожанский; сост. Е. В. Головин. М., 1971.